

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96
УДК 32(045)

Современные исследования политической идентичности российской молодежи*

С.В. Расторгуев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор современных исследований политической идентичности российской молодежи. Под молодежью понимаются представители поколений миллениалов и зумеров. Концепт политической идентичности определен как отождествление индивида с группой с общими политическими ценностями, историческими нарративами, предпочтениями в моделях поведения. Определено, что авторы уделяют значительное внимание исследованию молодежного онлайн-активизма. Это обусловлено значительной ролью социальных медиа в жизни молодежи. Установлено, что для большинства молодых людей в повседневной жизни политические вопросы не являются приоритетными. Авторы отмечают интерес молодежи к проблемам социальной справедливости и гарантий социально-экономических прав. В период высокой политической динамики молодежь активно включается в различные политические процессы. Вопрос о наличии межпоколенческого разрыва в политических ценностях и поведении остается дискуссионным. Лояльность молодежи политической системе страны непосредственно связана с концептом легитимности политического режима. Автором обозначены перспективные направления исследований политической идентичности молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: молодежь; политическая идентичность; онлайн-активизм; политические ценности; поколенческий разрыв

Для цитирования: Расторгуев С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):89-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96

ORIGINAL PAPER

Modern Studies of the Political Identity of Russian Youth**

S.V. Rastorguev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper presents an overview of modern studies of the political identity of Russian youth. Youth refers to representatives of millennials and zoomers. The concept of political identity is defined as the identification of an individual with a group united by political values, historical narratives, preferences in behavior models. It is determined that the authors pay considerable attention to the study of online youth activism. It caused this the significant role of social media in the lives of young people. The research established that political issues are not a priority for most young people in everyday life. The authors noted the orientation of young people on issues of social justice and guarantees of socio-economic rights. During the period of high political dynamics, young people are actively involved in various political processes. The matter of the existence of an intergenerational gap in political values and behavior remains debatable. The loyalty of young people to the political system of the country is directly related to the concept of the legitimacy of the political regime. The author identifies promising areas of research on the political identity of young people in modern conditions.

Keywords: youth; political identity; online activism; political values; generational gap

For citation: Rastorguev S.V. Modern studies of the political identity of Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):89-96. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

Проблемное поле политической идентичности включает в себя такие темы, как национальная, конфессиональная, информационная, молодежная, образовательная политика; политика памяти; конструирование образа будущего; технологии управления общественным сознанием; политическое участие и политическая культура. Состояние и тенденции политической идентичности представляются значимым фактором коммуникации институтов государства и общества. С другой стороны, сама политическая идентичность является сложным, многосоставным явлением, аккумулирующим в себе разнообразные векторы стихийных и целенаправленных процессов. В эпоху глобальной информатизации и постмодерна концепт политической идентичности переосмысливается в контексте широкой вариативности индивидуального и группового выбора, «мягкого» и «жесткого» маркетинга альтернативных ценностей, символов. Ставятся под сомнение идеи территориального суверенитета, ориентация на традиционные институты культуры, права государства санкционировать и оценивать историческое прошлое. Особую актуальность теме исследования придает полиэтничный, поликонфессиональный характер России, наличие полярных позиций по поводу оценки некоторых исторических фактов и персоналий, противоречивые, кризисные последствия постсоветского периода. Можно утверждать, что процесс диалога о доминирующей политической идентичности России продолжается с 1991 г. в консенсусной и конфронтационной формах.

Концепт политической идентичности можно рассматривать по-конструктивистски — как проект коллективного сообщества, отличающегося от других значимых сообществ, со своими ценностями, языком, историческими маркерами [1]. Идентичность предполагает универсальное разделение по линии «свой-чужой» (трайбализм), определение и выстраивание приоритетов в ценностях и практиках (иерархия), формирование картины мира и желаемого образа будущего (мифотворчество). Политическая идентичность связывается с процессом отождествления индивида с коллективом с такими же символами и ценностями, придающими смысл текущим и историческим событиям, формирующими модели поведения [2]. Среди отечественных исследователей тематика политической идентичности не является приоритетной. Проведенный С. Н. Федорченко

метаанализ российских публикаций показал, что наибольшее внимание уделено изучению социального, национального, культурного и этнического типов идентичности [3].

Сложившиеся приоритеты объясняются следующими причинами. Во-первых, социальная и культурная идентичности являются общемировым исследовательским мейнстримом, открывающим широкие возможности изучения разнохарактерных меньшинств, выделенных по демографическим, гендерным, символическим, поведенческим характеристикам. Поскольку социальная сфера и культура являются предельно универсальными понятиями, то их конкретное содержание может включать практически неограниченное количество классификационных множеств. Во-вторых, национальная (национально-государственная идентичность) представляет основной интерес для государства как основного политического института общества, стремящегося разрабатывать и применять разнообразные политики для интеграции многочисленных социальных групп в относительно единое сообщество — российское общество. В-третьих, полиэтничный и поликонфессиональный характер российского общества естественным образом стимулирует значительное внимание к изучению сюжетов схожести и различия этнических групп, самоидентификации на основе примордиализма, конструктивизма, инструментализма. В-четвертых, политическая идентичность представляется многосоставным конструктом, актуализируемым в специфическом политическом поле, которое само по себе уступает по объему повседневным практикам социальных и культурных полей.

Фокусирование проблематики политической идентичности на демографической группе молодежи происходит по нескольким причинам. Во-первых, в большинстве европейских стран, так же, как и в России, данная категория становится относительно малочисленной на фоне сокращения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Это оказывает воздействие на рынок труда, пенсионные планы, систему социального страхования, миграционную политику. А указанные факторы влияют на политическую самоидентификацию молодежи. Впервые в истории человечества возникает проблема обеспечения нетрудоспособного старшего поколения за счет практически равного по численности трудоспособного населения, что приводит к перераспределению ресурсов. Место классовых

и межэтнических конфликтов может занять межпоколенческое противостояние в форме разнообразных возрастных дискриминаций. Органы государственной власти, политические партии, общественные организации находятся в поисках новых форм интеграции поколений.

Во-вторых, молодежь — это, прежде всего, представители поколений миллениалов (поколение Y) и зумеров (поколение Z), сформировавшиеся под влиянием процессов глобализации и цифровизации, привычные к высоким стандартам потребительского общества, плюрализму во всех сферах общественной жизни. Молодежь поколений Y и Z принципиально отличается от более старших поколений отсутствием опыта жесткого идеологического противостояния конкурирующих общественно-политических систем, дефицита и узкого ассортимента товаров и услуг. В силу возрастных характеристик молодежь наиболее ориентирована на модернизацию и поиск своего места в настоящем и будущем [4, 5]. Современные молодые люди характеризуются относительно высокой толерантностью к представителям аутгрупп, с которыми сами себя не идентифицируют. Данная характеристика сказывается как на политической самоидентификации молодого поколения, так и на технологиях политических антрепренеров, стремящихся оказать влияние на политические взгляды и поведение молодежи. В качестве политических антрепренеров выступают органы государственной власти, стремящиеся направить политическую активность молодых людей в конвенциональные формы, а также представители несистемной оппозиции, делающие ставку на социальные сети как инструмент мобилизации молодежи на неконвенциональные акции [6, 7]. В современном обществе конвенциональные и неконвенциональные формы активности в ряде случаев оказываются взаимоперекрещивающимися. Взгляды, сформированные в рамках образовательных учреждений, получают практическое воплощение в формах вооруженного экстремизма, уличных протестов, кибербуллинга, навязывания корпоративных правил политической корректности на рабочем месте, требований толерантности в общественных пространствах.

В-третьих, закон эволюции общества в целом и отдельных сфер в частности предполагает «генетическую передачу» наиболее адаптивных идей и практик по наследству. Именно молодежь выступает крайним звеном в цепи культурно-

го развития, которое, в свою очередь, передаст культурный потенциал следующим поколениям. Поэтому политическая идентичность современной молодежи является индикатором не только в среднесрочном периоде 15–20 лет (когда она станет основой трудоспособного и политически активного населения), но и в долгосрочном, когда будет осуществляться трансляция политических ценностей будущему поколению. Вместе с тем политическая самоидентификация индивида не предполагает раз и навсегда выбранную политическую позицию, поскольку в процессе вторичной социализации человек становится членом новых групп, меняет статусы и роли. На политическую идентичность также оказывают воздействие факторы, формирующиеся и влияющие на индивида не только из политического, но и экономического, социального, культурного полей.

В работе В.В. Титова показано различие в онлайн-активизме представителей поколений миллениалов и зумеров. Если более старшее поколение — миллениалы — достаточно рационально критикуют конкретные проблемы внутренней политики правительства в социально-экономической сфере и в управлении на различных уровнях, то более молодое поколение — зумеры — концентрируются на эмоциональном выражении недовольства абстрактной социальной несправедливостью и неясностью перспектив в будущем. Онлайн-активисты поколения Z не только более критичны к старшему поколению, чем миллениалы (что можно объяснить традиционным противостоянием отцов и детей), но и менее лояльны к представителям своего поколения, не разделяющим их иррациональный протестный порыв [8]. Возрастные особенности зумеров приводят к максимизации радикализма, что может быть использовано для онлайн-мобилизации различными политическими силами. Исторический опыт протестных действий — от классических до цветных революций и студенческих выступлений — свидетельствует о значительном потенциале молодежного радикализма, особенно в случае увеличения доли молодежи в структуре населения. Российские кейсы участия молодежи в протестных акциях 2017–2021 гг. показали наличие ядра активистов именно из поколения зумеров [9].

Степень вовлеченности современной российской молодежи в политику измеряют посредством социологических опросов, которые в среднем показывают отсутствие интереса к политике

примерно у 58% респондентов [10, 11]. У более старших поколений интерес к политическим вопросам выражен значительно сильнее [12]. Полученные результаты интерпретируются, прежде всего, не как сознательная аполитичность молодежи, а как естественное преобладание других интересов: общение, досуг, спорт, профессиональные коммуникации. Исследователи цифровых следов в социальных медиа подтверждают результаты социологических опросов и фокус-групп: неполитические темы наиболее соответствуют стремлениям молодого поколения к развитию личностных качеств, инновационности, достижению поставленных целей [13, 14]. При этом в отдельные периоды молодые люди демонстрируют всплеск политической активности, например, на выборах Президента России 2018 г. процент проголосовавшей молодежи несколько превысил процент электорального участия других возрастных групп¹. Исследование мотивов участия молодежи в избирательных кампаниях выявило, что они весьма разнообразны и ситуативны: от желания хорошо провести время до принципиальной идеологической приверженности [15]. На степень политической активности молодежи влияют как объективные внутренние российские и внешние международные события, так и мода, задаваемая лидерами общественного мнения в социальных сетях. Осознание государственными органами власти значимости влияния на молодежь лидеров общественного мнения привело к активизации политики, нацеленной на профилактику радикализма, экстремизма, зарубежного воздействия на информационные потоки в сети Интернет.

Наиболее политизированной молодежной темой в социальных медиа оказалась экология, поскольку она достаточно приближена к локальным практикам повседневности. Проверка конкретными кейсами показала, что экологический активизм в социальных сетях не конвертируется в масштабные офлайн-акции [16, 17]. Это отчасти объясняется структурой и периодичностью экологической повестки — она включает в себя конвенциональные формы поведения (раздельный сбор мусора, экомониторинг, отказ от использования продуктов, загрязняющих окружающую среду), конкретные проблемы защиты

природы в период аварий, выбросов в результате хозяйственной деятельности. Вместе с тем онлайн-активизм может выступать в качестве средства политической мобилизации для уличных протестов [18]. Проактивные протестные действия на ранних стадиях реализации одобренных властями экологически опасных проектов хотя и несут в себе наибольшие риски на муниципальном или региональном уровнях, однако имеют незначительный потенциал распространения на общенациональный уровень. Суммарно менее 10% современной российской молодежи проявляет высокий уровень политической активности как на стороне органов власти, так и на стороне оппозиции [19].

На основе обработки результатов массового опроса молодежи Е. В. Бродовской и Т. Хуанга в 2019 г. были выявлены следующие типы субъектов протестного потенциала: «зрители» (самая многочисленная категория, более 50%), «вовлеченные» (треть выборки), «активисты» (7%), «лидеры» (5%) [20]. «Зрители» и «вовлеченные» характеризуются нацеленностью в первую очередь на частную жизнь, общение, семью, друзей, досуг, интересную работу. И только 12% «активистов» и «лидеров» демонстрируют готовность к протестной активности, что обусловлено, прежде всего, наличием у них ценностей самореализации в публичном пространстве.

На основе опроса, глубинных интервью, социально-медийного анализа, когнитивного картирования, проведенных в 2020 г., группа исследователей предложила следующую классификацию современной молодежи России по отношению к гражданскому активизму. «Лояльные акторы» и «оппозиционные акторы» (суммарно самая многочисленная группа — более одной трети) представлены субъектами с лидерскими качествами и опытом участия в реализации гражданских инициатив. При этом лояльные акторы нацелены на партнерство с органами власти, а оппозиционные ориентированы на протесты. Группа «вовлеченных» характеризуется конвенциональностью, критическим отношением к отдельным элементам внутренней политики страны, готовностью поддерживать гражданские инициативы и неготовностью участвовать в политических акциях. «Зрители» полностью сосредоточены на частной жизни и не проявляют желания участвовать в политических акциях, готовы в онлайн-формате поддержать гражданские инициативы. Количество «вовлеченных»

¹ Гражданский активизм. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Grazhdanskij-aktivizm_july-2021.pdf

и «зрителей» оказалось примерно равным. Самая малочисленная категория «выключенные» (15%) характеризуется неотзывчивостью к агитации на участие в гражданских инициативах в силу удовлетворенности жизнью [21].

Лояльность политической системе в целом и политическому режиму в частности тесно связана с концептом легитимности. Именно готовность населения признавать право органов государственной власти на монополии законного насилия, налогообложения, законотворчества характеризует способность системы адекватно отвечать на вызовы, поддерживать равновесие, модернизировать институты и практики. А.С. Буров предложил классификацию российской молодежи по критерию «степень политической лояльности» по четырем группам. Первая состоит из лояльных сложившейся политической системе активистов; вторая включает тех, кто критикует отдельные элементы политической системы, но готов к конвенциональным формам провластного политического участия; третья, наиболее многочисленная, включает аполитичную молодежь; в четвертой находятся нелояльные политической системе сторонники системной и несистемной оппозиции [22]. Для определения готовности группы к неинституциональным действиям в поддержку или против политической системы применяется объясняющая теория Дж.Т. Джоста, которая гласит, что групповая идентичность напрямую связана с верой в способность преодолеть несправедливость и изменить положение группы к лучшему [23].

Сравнительное исследование социально-политических взглядов российской и американской молодежи В.Н. Попова показало, что в России молодые люди ориентированы в первую очередь на гарантии соблюдения органами власти социально-экономических прав, решение вопросов неравенства, бедности. Они ожидают от государства активной социальной политики в целом и в отношении молодежи как наиболее уязвимой группы, в частности. Отдается предпочтение государственной форме собственности на крупные предприятия и солидарности вместо конкуренции [24]. Региональные исследования показывают, что в картине мира современной российской молодежи европейские стандарты, с одной стороны, рассматриваются как желанные (высокий уровень жизни, гражданские и политические свободы), а с другой стороны, как не соответствующие экономике, культуре и социуму современной России [25]. Ю.А. Пустовойт

посредством применения методов киберметрии обосновал на примере конкретных кейсов отсутствие межпоколенческого разрыва в ценностях молодежи и более старшего поколения. Были выявлены общие для двух поколений политические темы — запрос на социальную справедливость и проблема национальной идентичности [26].

Таким образом, можно констатировать, что политическая идентичность современной российской молодежи представляет значительный интерес для исследователей. В содержательном плане наибольший интерес вызывают выводы о готовности молодежи к активным политическим действиям, о доминирующих ценностях политической культуры. В методологическом плане представляется перспективным исследование политической идентичности молодежи посредством методов киберметрии, поскольку молодое поколение активно использует мессенджеры и социальные сети. В ближайший период следует ожидать новые исследования политической идентичности российской молодежи в связи со значительными внешнеполитическими изменениями, произошедшими после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г.

Можно предложить следующие актуальные сюжеты исследования политической идентичности современной российской молодежи:

- Социологические измерения отношения молодежи к внутренней и внешней политике России и зарубежных стран в аспектах проведения специальной военной операции, антироссийских санкций, реформирования информационных, миграционных, образовательных, экономических потоков.
- Изменение поведения в средствах массовой коммуникации в связи с ограничением деятельности ряда социальных сетей и интернет-ресурсов, признанием отдельных лидеров общественного мнения иностранными агентами.
- Поиск идеологических конструктов для интерпретации происходящих глобальных изменений и формирования новых рамок «картины мира».
- Государственные и партийные стратегии в отношении молодежи с целью политической мобилизации для решения масштабного междивизиационного вызова.
- Пересмотр целей и образцов образовательной и воспитательной работы и гармонизация их с интересами молодежи как отдельной социальной группы, общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: Издательство МГИМО-Университет; 2008.
2. Дробижина Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(4):480–498. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>.
3. Федорченко С. Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром. *Журнал политических исследований*. 2021;5(3):3–15. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389079>.
4. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):9–10. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>.
5. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;3(157):119–138. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.
6. Пырма Р. В. Теоретические аспекты исследования политических предпочтений российской молодежи. *Власть*. 2020;(4):157–160.
7. Митрахович С. П. Актуальные тенденции во внутривнутриполитических и внешнеполитических настроениях российской молодежи. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2021;(2):61–68.
8. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):149–150. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.16>.
9. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Протестная активность молодежи: опыт сравнительного анализа возрастных групп. URL: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-172-182>
10. Попов Н. П. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(1):126–152. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>
11. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысина А. Российское поколение Z: установки и ценности 2019–2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>
12. Гусев А. С. Формирование политической идентичности в современной России (на примере Санкт-Петербурга и Амурской области). Дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; 2014.
13. Шамионов Р. М., Суздальцев Н. В. Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве. *Вестник РУДН. Серия психология и педагогика*. 2022;19(1):21–38.
14. Григорьева М. В., Шаров А. А., Заграничный А. И. Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи. *Социальная психология и общество*. 2022;13(1):146–152. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>
15. Гражданский активизм. Июль 2021. С. 136. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Grazhdanskij-aktivizm_july-2021.pdf (дата обращения: 11.06.2022).
16. Барсукова С. Ю., Звягинцев А. В., Лаптиева Л. С., Сафиуллина Э. И. Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(4):300–318. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841>
17. Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие. *Социологические исследования*. 2019;(6):74–85. URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>
18. Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса»). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(6):53–75. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>
19. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*. 2020;(2):87–88. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
20. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18.

21. Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):39–48.
22. Буров А. С. Перспективные технологии формирования политически лояльной молодежи в современной России. *PolitBook*. 2021;(4):31–46.
23. Гулевич О. А., Гусева В. В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае. *Социальная психология и общество*. 2021;12(3):9–22. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>
24. Попов Н. П. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(1):135–136. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>.
25. Самаркина И. В., Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Восприятие Европы в молодежной среде в контексте новых реалий мировой политики (на материалах Краснодара). *Полис. Политические исследования*. 2018;(3):110–129. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.08>
26. Пустовойт Ю. А. Мобилизационная повестка поколений в зеркале системы «IQBUZZ» (опыт анализа протестов в Сибирских городах). *Журнал политических исследований*. 2021;5(2):102–116.

REFERENCES

1. Timofeev I. N. Russia's Political Identity in the Post-Soviet Period: Alternatives and Trends. Moscow: MGIMO-University Publishing House; 2008. (In Russ.).
2. Drobizheva L. M. The Meanings of All-Russian Civil Identity in the Mass Consciousness of Russians. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;(4):480–498. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>. (In Russ.).
3. Fedorchenko S. N. Formation of new identities in the post-Soviet space: between the real and digital world. *Journal of Political Studies*. 2021;5(3):3–15. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389079>. (In Russ.).
4. Zubok Yu. A. Youth: Life strategies in the new reality. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;(3):9–10. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>. (In Russ.).
5. Petukhov V. V. Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;3(157):119–138. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>. (In Russ.).
6. Pyrma R. V. Theoretical aspects of the study of the political preferences of Russian youth. *Power*. 2020;(4):157–160. (In Russ.).
7. Mitrahovich S. P. Actual trends in the domestic and foreign policy moods of Russian youth. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*. 2021;(2):61–68. (In Russ.).
8. Titov VV Strategies of social protest of youth in Runet: A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2020;(3):149–150. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.16>. (In Russ.).
9. Vasilyeva E. I., Zerchaninova T. E., Nikitina A. S. Protest activity of youth: Experience of comparative analysis of age groups. URL: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-172-182>. (In Russ.).
10. Popov N. P. Comparative analysis of socio-political views of Russian and American youth. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(1):126–152. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>. (In Russ.).
11. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipia K., Rysina A. Russian generation Z: Attitudes and values 2019–2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>. (In Russ.).
12. Gusev A. S. Formation of political identity in modern Russia (on the example of St. Petersburg and the Amur region). Diss. for the degree of Cand. Sci. (Pol.). St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2014. (In Russ.).
13. Shamionov R. M., Suzdaltsev N. V. The ratio of young people's commitment to social activity on the Internet and physical space. *Bulletin of RUDN University. Series psychology and pedagogy*. 2022;19(1):21–38. (In Russ.).
14. Grigor'eva M. V., Sharov A. A., Zagranichny A. I. The structure and motivation of social activity and its relationship with the civic consciousness of youth. *Social psychology and society*. 2022;13(1):146–152. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>. (In Russ.).
15. Civic activism. July 2021. P. 136. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Grazhdanskij-aktivizm_july-2021.pdf. (In Russ.).

16. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev A. V., Laptieva L. S., Safiullina E. I. Motives for youth participation in election campaigns. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2021;(4):300–318. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841>. (In Russ.).
17. Golbraikh V. B. Environmental conflicts in Russia and digital network participation. *Sociological research*. 2019;(6):74–85. URL: https://doi.org/10.31857/S_013216250005483-4. (In Russ.).
18. Rastorguev S. V., Tyan Yu. S. Protest eco-activism in the digital environment (on the example of the Krasnoyarsk case). *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2021;(6):53–75. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>. (In Russ.).
19. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Web or text? Drivers of Protest Spread in Social Media: Theory and Data Analysis. *Policy. Political studies*. 2020;(2):87–88. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.).
20. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(5):3–18.
21. Brodovskaya E. V., Pyrma R. V., Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of the youth of Russia: the structure of roles, factors of formation of attitudes, triggers of growth of protest potential. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):39–48.
22. Burov A. S. Promising technologies for the formation of politically loyal youth in modern Russia. *PolitBook*. 2021;(4):31–46. (In Russ.).
23. Gulevich O. A., Guseva V. V. Justification of the System, Group Identification and Political Behavior: Protests in the Khabarovsk Territory. *Social psychology and society*. 2021;12(3):9–22. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>. (In Russ.).
24. Popov N. P. Comparative analysis of socio-political views of Russian and American youth. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(1):135–136. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>. (In Russ.).
25. Samarkina I. V., Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Perception of Europe among the youth in the context of the new realities of world politics (on the materials of Krasnodar). *Policy. Political studies*. 2018;(3):110–129. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.08>. (In Russ.).
26. Pustovoit Yu. A. The mobilization agenda of generations in the mirror of the IQBUZZ system (the experience of analyzing protests in Siberian cities). *Journal of Political Studies*. 2021;5(2):102–116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Расторгуев — доктор политических наук, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergey V. Rastorguev — Dr. Sci. (Pol.), Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>
SRastorguev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 22.05.2022; accepted for publication on 10.06.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.